

В Горганах по вёснам

Говорят и пишут: «Весна приходит». На равнину – да, согласен, именно приходит. На больших открытых пространствах она появляется, как правило, в календарный срок сначала еле заметными признаками. Шествует неторопливо, уверенно, пока не заполняет собой всё мёрзлое доселе пространство, преображая его для обновлённой жизни. Но в горы весна *врывается*, всегда неожиданно и буйно - радостно-шумная, щедрая до расточительности и в то же время какая-то отстранённая от печальных плодов своей торопливости. Ведь её явление, в целом, благое для людей, сопровождается для них немалыми вначале потерями. Нередко не только имущество, но и жизни отнимают половодья и круговерть воздушных потоков.

У меня карпатские впечатления о весне. Точнее сказать, впечатления, вынесенные из Горган. Так называется система хребтов в Карпатах между реками Мизунка и Прут. В последний раз я посетил Горганы в 1996 году, предчувствуя, что судьба больше не предоставит мне возможности *посетить тот уголок земли, где я провёл* геологом несколько полевых сезонов в молодых годах. О той поездке сей рассказ.

В пути, пока нанятая мной «Нива» катила в сторону гор от железнодорожной станции Калуш, вспомнил такой же мартовский день 1963 года. Я описал его и последующие дни в дневнике, впечатлённый явлением весны в горах. На моих глазах она буквально взлетела по горной долине к перевалу, где я устроился коротать лето в маршрутах по своему участку изысканий. Вот выдержки из дневника:

Так застоявшийся в зимнем стойле конь, обретя волю, несётся по полонине¹ неудержимо, мечется в радостном возбуждении; ему легко и весело и совершенно всё равно, как выглядит со стороны такое «жеребячество». Снег, за считанные дни растаявший в долинах, ещё пытается удержаться на северных склонах хребтов. Оттуда навстречу пьяному разливу тёплых низовых ветров устремляются кинжальные потоки холодного воздуха. И там, где они встречаются, долго стонут оголённые рожи и гремят жестью, шипят соломой и камышом крыши строений в селениях. Нарастает гул. Это талые воды рвутся из узких ущелий, волоча по ребристым ложам ручьёв глыбы твёрдых пород, стволы буков и смерек², искорёженные секции узкоколейного полотна, неся в переплетающихся, бурлящих струях мутных вод обломки мостов, древесный мусор и трупы животных, бывает, людей (как шофёра нашей экспедиции Николая Дзюбы, царство ему небесное!). В долинах вода поднимается на несколько метров, заливая обжитые террасы и унося куски скудной суглинистой почвы.

¹ Горный луг.

² Род ели.

По утрам зима нет-нет да и восстанет отчаянно, напомнит о себе ледяным дыханием, начнёт расшвыривать горстями снег, но молодые силы весны, её победные звуки, живые краски берут верх. Так всегда было и будет.

Приведённую запись я использовал в рассказе «Весна в Карпатах».

И опять самая буйная пора года владеет «Каменным морем», как назвал я эту часть Океана Тетис. Только у меня, дожившего до 1996 года, начиналась личная осень. Выносливая лошадка «Нива», преодолев трудный просёлок в нижней части долины Быстрицы, в бессилии остановилась в том месте, где днище ущелья круто вздымалось к перевалу. Дальше я двинулся своим ходом, медленно, уважая поклажу на уставшей от жизни спине. Тележная колея, повторяя изгибы тропы, повела, помнил я, к скоплению десятка усадеб, на карте – село Пороги. Поднимаюсь с частыми привалами. Вспоминаю 33-летнюю давность.

В тот год, когда весь свет мог погибнуть в советско-американском ядерном конфликте, жители селения Пороги имели шанс уцелеть и стать зачинателями нового человечества. Настолько изолирован от обитаемого мира был этот горный клочок земли на водоразделе балтийской и черноморской речных систем. Похоже, таким и остался.

Я убедился в этом, выйдя из узкого ущелья в крутом склоне, как из горлышка бутылки, на спину Главного карпатского хребта. За ней начинался спуск на тёплую равнину юга. Пороги предстали моим глазам точь-в-точь такими, какими были и треть века тому назад.

Здесь потоки речного верховья раздвинули каменные борта долины, намыли на скалистом основании водораздела слои рыхлых отложений, на которых при должном упорстве, при умении, можно выращивать неприхотливые зерновые и овощи. Чтобы не стеснять поля-кормильца, порожане ставили хаты и служебные постройки впритык к горным откосам. *Запольщи*³ любой селянин, если год для него был удачным и позволяли *злотые*, мог откупить у неудачливого соседа клочок земли. Путь к закреплению успеха был один: день и ночь гнуть спину на своём поле – не так при распашке, севе и уборке урожая, как на очистке почвы от каменных обломков. Их будто бы рожали горы в полнолуние и назло людям разбрасывали по полям. Но удача и неудача, как подружки, ходили вместе, и ни одному порожанину за сто лет не удалось прибрать к своим рукам не только всё поле в истоках Быстрицы, но даже завидный его кусок. После войны во мнении горцев поле стало не общим, как внушали им победившие немцев *совьеты*, а ничейным.

Когда я, молодой геолог, впервые появился здесь, аборигены-*русыны*, доселе вольные землепашцы, уже смирились с волей Москвы, что теперь они украинцы и *колгоспныки*⁴. Центральная усадьба *колгоспа* находилась далеко,

³ При польском владычестве.

⁴ Колхозники; *колгосп* – колхоз.

в равнинном Перегинске, а с учётом бездорожья – как бы на другой планете. Горцы выбрали себе бригадира, на кого указали «сверху». Тот уговаривал односельчан пахать и сеять на ничейном поле, засаживать грядки картофелем и *бурьяком*, но уже никакая *влада*, даже *радянська*⁵ не могла заставить порожан освободить национализированную почву от каменных обломков. “*Нема дурнив!*” - дружно отвечала *громада*⁶ на ленивые, впрочем, призывы единственного в округе коммуниста. Почвенный слой каменистого суглинка быстро хирел, пока урожайность не упала до уровня, достаточного для удовлетворения расхитителей народного добра, в которых невольно превратились селяне, не избалованные платой за трудодни. Таковая вообще отсутствовала. Идеальный по должностной инструкции бригадир на воровство общественного достояния закрывал глаза отнюдь не из сочувствия к землякам. Веки опускались сами от особой крепости местного самогона марки «*Порожська бурьякивка*». Зато бывшие «латифундисты» научились работать на приусадебных сотках как китайцы, не допуская голода. Перегинский колхоз махнул на налогонеплательщиков рукой. И Пороги продолжили существование в СССР вольным селением, чей «валовой доход» зависел от продажи в Перегинске и районной столице Рожнятове даров земли с личных участков и ворованных на *колгоспном* поле. Стол разнообразили фруктовые деревья и лес, что зелёным морем окружал обитаемый остров невольных отшельников.

Описанное выше открылось мне не сразу. В первый день на перевале язнакомился с местом, где наугад бросил якорь. На подходе к крайней хате увидел немолодого человека. Тогда он мне, двадцатилетнему с небольшим, показался стариком.

Возвращаюсь к старым записям, страница помечена 24.03.1963.

Селение Пороги – последнее в долине Быстрицы. Дальше – горы, безлюдье. Деревянные строения цепляются за крутые склоны мелководного ручья. Крайняя хата на высоком фундаменте из серого камня. На крыльце, под козырьком тесовой крыши прячется от непогоды дед. На плечах козжух, голова покрыта шляпой. Лицо обветренное, сухое, с глубокими морщинами. Но самое примечательное – глаза, чистые прозрачные, светлые. Душа за ними видна как на ладони. Сутулит дед плечи, смотрит, как сеется дождь по рощам и пустым полям, слушает ветер. Видать, скучно ему, одно развлечение – мысли. Как горные потоки в разные времена года, то текут они неторопливо, то спешат, мелькают перед глазами. Что ни воспоминание, то частица жизни разной продолжительности, светлая или тёмная, горькая или сладкая, данная ему Богом неизвестно для чего.

Записывая эти строки, я воображал, фантазировал, однако оказался недалёк от истины, когда ближе сошёлся со Степаном Гыбой, поселившись в

⁵ Советская (от «рада»).

⁶ Общество, общественность.

его хате. Он был вдовцом. Старшие дети уехали за нефтяными рублями в Тюмень, младшие жили в интернате при перегинской десятилетке. Степану хватало сил работать на огороде, плоды которого он отдавал на корню деловому соседу, оставляя себе, по скромной потребности, да на посылки дочкам-школьницам. Яблоками сада кормилась пара овец, а крошками со стола - стайка кур, приученная к вольной охоте на участке хозяина. Питался он обычно картофелем с капустой, угощался, бывало, кружкой молока у племянницы и чем-то ещё из дедовой *пляшки*⁷ толстого зелёного стекла. В просторном доме было чисто и тихо. Разговорами хозяин меня на утомлял, но иногда по вечерам, когда я возвращался из маршрута, он разводил огонь в летней кухне, помогая мне приготовить ужин и, прихлёбывая горячий навар из горных трав, заводил разговор о том, о сём, охотно отвечал на вопросы.

Чаще всего вспоминал Степан отцовское *полэ*. Не одно поколение из *родыны* Гыбы трудились от зари до зари в поте лица своего, пока не округлился этот земельный надел до размера, достаточного для прокорма большой семьи. А *нова влада* без слов забрала надел в *колгосп*, ни у кого не спросила *згоды*. Младший брат Степана, *Йосып*, в тот день, что хуже похоронного в памяти стал, в лес ушёл, неизвестно, где его кости.

Эту историю я включил в рассказ, только редакция его «завернула» мне. Опытный редактор помог переписать. Так появился вариант в стиле социалистического реализма, опубликованный во «Львовской правде». Читаю оттуда:

Тосковал дед по своим моргам⁸ горного склона, очищенным от щебня. Тот склон из окон хаты виден. Выйдет дед на крыльцо, смотрит, вздыхает. Трудно было расставаться со свои полем, да дети настояли, мол, уж все односельчане записались в дэржавну фэрму, а ты трясешься над своей глиной. «И то правда, - мысленно соглашался дед, - с каменистой землёй в одиночку не справиться». Но болело сердце. Всё прикидывал, как сохранить своё, кровное. В последнюю ночь перед расставанием с родным полем закопал по его углам помеченные камни: а вдруг власть опять переменится... Теперь дед не тот. Хоть и жалко бывает своего морга, но это так, по привычке.

Вот что значит мастерство бывалого труженика пролетарской литературы, коим был мой редактор! Достаточно одной лукавой фразы, выданной за мнение детей единоличника и его молчаливое якобы согласие с их правотой, и нет сомнений в преимуществах колхозного строя.

Видимо, я инстинктивно стал спасать свою писательскую честь, закончив тот рассказ правдивым описанием весны в Карпатах:

...И не понял сначала дед, отчего вдруг всё мрачное отступило куда-то далеко-далеко. Потом догадался, заспешил на крыльцо. Прямо над селением лопнул серый покров туч, и весеннее солнце, ослепив землю, втиснулось в

⁷ Бутылка.

⁸ Морг – 0,56 га.

узкую, с рванными краями щель. Природа, восталь напоённая влагой, заиграла сочными красками, зашевелилась, готовая цвести и плодоносить.

Задрал дед голову, ловит тепло обветренным лицом. Хочется ему, как в детстве, выбежать в поле, вдохнуть острый запах унавоженной земли. Светло у деда на душе, и тяжёлые мысли бегут от него вслед за уходящим ненастьем. Уже точно – весна.

И вновь я, праздная жертва ностальгии, в верховьях Быстрицы 33 года спустя после первого посещения этой местности молодым геологом. Повторяю: я не заметил изменений в панораме селения: те же разноцветные хаты с одного края уже свободного от снега чёрного поля, голые ветви фруктовых деревьев за плетёными оградами. Ан нет, подойдя ближе, замечаю столбы с проводами, уходящими за перевал, в Закарпатье. Знать, после моего переезда на новый участок изысканий в середине 60-х годов и забытые миром Пороги включили в ленинский план ГОЭЛРО.

В этом заповеднике тишины, где шипят однотонно роци на ветру и позванивают ручьи на порогах, только в непогоду можно услышать высокие и резкие звуки, пугающий грохот. В день моего второго появления на перевале весна уже успокаивалась, только ещё блуждала по лесам, хулиганила, ломая всё, что стояло плохо, подтаскивала к новым заторам забытые впопыхах валуны по днищам ещё многоводных ручьёв, осыпала землю короткими, холодными ливнями. Но погода в тот день мне благоприятствовала. Наступило затишье, когда я подходил к селению.

Узнаю жилище Степана Гыбы в очертаниях крайней хаты. Жив ли старый *газда*⁹? Сколько ему, старику, на мой молодой глаз, тогда было? Лет 50. Почти как мне сейчас. Будто почувствовав мой вопрос, Степан выходит на крыльцо. Вот теперь можно сказать: старик. Даже древний старик. Но крепкий, за дверной косяк не держится, переступает босыми (да, босыми!) ногами уверенно. На нём кожух и шляпа, наверное, те же самые, но главный признак узнавания – нестареющие светлые глаза вечного Степана.

- Кого я бачу! Пан Сергей! Заходьтэ в хату.

Я шутливо раскланиваюсь и поднимаюсь на крыльцо. Оттуда вслед за хозяином прохожу через сени в *покий*. В помещении для гостей – та же мебель, сработанная золотыми руками Степана: стол на вычурных ножках, *шафа*, *бамбэтьль*¹⁰. На стенах в простеньких рамках – цветные и раскрашенные вручную фотопортреты сородичей, в вычурной раме – Иисус с пылающим сердцем под туникой по центру груди. Новое для меня – голая электрическая лампочка под потолком. Но запах керосина в доме чувствуется.

Богато украшенный разноцветной эмалью складной ножичек, который я вручил хозяину, вызвал в ответ *пляшку* с незабываемой *бурьякивкой* под

⁹ Хозяин.

¹⁰ Шкаф и деревянный диван.

божественное малосольное сало и квашенную капусту, какую я едал только здесь.

За столом засиделись допоздна. Как водится при таких встречах, вспомнили общее прошлое. Потом я изложил торопливо и отрывочно одиссею своей жизни за последние десятилетия с того дня, когда моя профессиональная тропа увела меня из горного селения Пороги. *Газда Степан* не остался в долгу – с крестьянской медлительностью поведал мне о событиях в его малом мире за то же время.

Оказалось, его тюменцы считанное число раз навестили отца. У них теперь российское гражданство, их дети *мовой* владеют плохо, а дети детей ничего о родине отцов не знают, «*москали вжэ*». Иногда заглядывает со своими внуками старшая дочь. Поскучают горожане с неделю и – домой, у *Львив*. «*Иванка вывчылась на ту, як то кажуть?.. мэнэджерку. А молодша донька выйхала до влохив¹¹, пышэ, що тэпэр якась модэля. Можэ пан Сергий скажэ, що то значыть? Що роблять ти модэльки?*».

Я смешался, не зная как ловчей соврать. Проницательный старик, видимо, сам догадывался о недоброе; теперь получил подтверждение тому моей растерянностью и отвёл глаза в сторону. Вообще, мне показалось, что он чего-то не договаривает, не хочет затрагивать тягостную для него тему. Какая-то неизбывная печаль, которую он не мог скрыть ни вымученными улыбками, ни нарочито бодрим тоном речи, наполняла его не умеющие лгать глаза. Верное средство отвлечь человека от владеющих им мрачных мыслей – перевести разговор на то, что для него самое светлое, наиболее важное в центре его дум!

- Что земля ваша, *панэ Степанэ*? Надеюсь, возвратили?

- *Повэрнулы*.

В голосе собеседника не послышалось ожидаемого всплеска чувств.

- Рад за вас, дождались. Что выращиваете?

Растянувшаяся в ухмылке ротовая щель прибавила морщин на мелком лице старика.

- *Каминня*.

С этим словом он легко, будто и не было ему все восемьдесят, поднялся из-за стола, сделав жест следовать за ним. Мы вышли на крыльцо. Вечерело, но мартовское солнце, разделившее сутки надвое, обильно сочилось в прорехи облачного рядна на лес и тесовые крыши хат, на голые поля, которые за близкой околицей селения покрывали слегка прогнутую спину водораздела. Я вспомнил (будто вчера это было) колхозное поле, кое-как поднятое порожанами после увещаний трезвого в те дни бригадира. Как-то, пересекая его, обратил внимание, что оно, недавно вспаханное, было чёрным там, где влажную почву очистили от щебня на совесть, и серое в местах скоплений камня. Теперь с крыльца я мог обозреть лишь возвращённое

¹¹ К итальянцам.

Степану Гыбе его родовое владение на пологом склоне. Бросался в глаза его общий серый фон с оттеночными пятнами.

- *Ось дывытыся, панэ Сэргию, яка в мэне мандебурка*¹².

И неопытному глазу понятно, эта земля давно не знала плуга. Что удивляться, не по силам старому человеку в одиночку обрабатывать такое поле. Но есть же выход.

- Так отдайте в аренду. Или уступите семье племянницы. Чего добру пропадать?

Эти слова произвели на старика такое впечатление, будто я его оскорбил, нанёс сильную душевную травму. Он вытянулся в рост, сжал костлявые кулаки. Глаза его потемнели, налившись кровью, сухие губы сжались, стали совсем белыми и сразу разомкнулись, обнажив беззубые дёсны:

- *Николы! Краще*¹³ *колгосп.*

С трудом мне удалось по возвращении к столу склонить пана Степана на откровенность. Помогла *бурьякивка*. К сожалению, образная, эмоциональная речь старого *русина* не поддаётся равноценному переводу на русский язык. Поэтому я подаю её не в виде прямой речи, а в пересказе.

Вскоре после обретения Украиной *нэзалэжности* в Порогах объявился немец из Мюнхена. Представился громаде сыном Йосыпа Гыбы, который в год коллективизации в Карпатах ушёл в *партизаны*, по нашему – к бандеровцам. Когда НКВД вместе с местными добровольцами-«ястребками» зачистили схроны, младший брат Степана смог выбраться через Венгрию и Австрию в Мюнхен, где вокруг Степана Бандеры собиралось *свидомое украинство*¹⁴. Женитьба молодого красавца-карпаторосса на богатой фрау, перестарке, дала Германии его немецкую копию по имени Johann Giba. Порожане с трудом понимали его «шпреханье» якобы на мове. Ярослава, дочь Йосыпа от первого брака, брата признала, но Степан, несмотря на явное внешнее сходство отца и сына, как говорится «упёрся рогами в стену»: «*Чужый вин, не наш*». Сам Йосып подтвердить родную кровь не мог - он был убит *братами по проводу*¹⁵ (то ли месть за какую-то лесную обиду, то ли зависть мюнхенского окружения).

Ещё два-три визита, и Johann Giba, купив у соседей своего *вуйка*¹⁶ земельные участки задёшево (хотя они посчитали себя сказочно разбогатевшими), соблазнил их идеей туристического отеля на перевале. В ожидании лёгких заработков на обслуживании пилигримов, плужане забросили возвращённую им землю. С облегчением отказались от неё, ибо колхозная жизнь отучила крестьян от должной работы на скудном, трудном

¹² Картофель.

¹³ Лучше.

¹⁴ Сознательное украинство (самооценка националистов).

¹⁵ Братьями по военному подразделению.

¹⁶ Вуйко – дядя по отцу.

поле. Имитация тяжёлого труда земледельца в горах истончила мышцы, ослабила волю пахаря, закаляемую веками в борьбе с суровой природой. А деловой малый из Мюнхена немногим рисковал, посчитав, что самое дикое место в Европе, как он определил, перед которым альпийская глушь очень уж декоративна, поманит любителей уникальной экзотики.

Только старый Степан отказался расставаться со своим полем. Забытый плугом, лишённый человеческого внимания и заботливых рук, удобрений, тонкий почвенный слой на склоне горного перевала с каждым годом всё твердел, пополнялся сползающим с соседних высот щебнем. Неприхотливый сорный кустарник, бурьян захватывали то один участок поля, то другой.

Когда всходила полная Луна и начиналось медленное движение ночных теней по полю, Степан, мучимый бессонницей, выходил на крыльцо и смотрел в сторону отцовского надела. И казалось ему, будто это его предки бродят в молчании между мечеными камнями, которые последний из земледельцев рода Гыбы извлёк из ям и поставил на обозрение односельчанам, как знаки своей личной победы над судьбой. «*А що я можу? – говорил он вслух, будто оправдываясь перед мёртвыми. – Рук нэма. Хиба цэ руки?»*¹⁷. Стонал и разворачивал натруженные ладони в сторону поля.

На мой вопрос, почему пан Степан так упорствует, осуждаемый односельчанами, к неудовольствию непризнанного им племянника-немца, последний печальник пахотной земли, как матери всех людей, ответил мне, что есть земля, на которой спокон веков человек имеет право только выращивать самые необходимые плоды, чтобы жить мирно и благодарить Бога за это право. Это воистину святая земля, в отличие от тех мест, где люди ведут греховную жизнь в страстях, которые от тёмных сил, от дьявола.

- *Ця зэмля мусыць рожаты*, - сказал старый Степан убеждённо.

- Эта земля должна рожать, - повторил я согласно на своём языке.

Пока хозяин стлал мне постель на кушетке в *покое*, а сам устраивался на ночлег в собственно *хате* за раскрытой дверью, где стоял у глухой стены под изображением Иисуса дедов *бамбетль*, мы ещё поговорили. Я задал каверзный, в шутку, вопрос:

- Признайтесь-ка, *панэ добродию*¹⁸, когда вам лучше всего жилось? В *запольщи*, скажете?

Пауза. Старик даже дышать перестал. Потом отозвался дипломатично:

- *Усэ ж такы пры москалях було краце. Можна було б жыты... Якщо б нэ колгосны*¹⁹.

Я рассмеялся и ответил фольклорной строкой:

- Кабы на цветы да не морозы, и зимой бы цветы расцветали.

¹⁷ Нет рук. Разве это руки?

¹⁸ Добродетель.

¹⁹ Можно было бы жить... Если бы не колхозы.